

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ
АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

ВЕСЬ ЭТОТ ДЖАКЧ

КНИГА 2

Весь этот джакч

Михаил Успенский
Любовь и свобода

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Любовь и свобода / М. Успенский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Весь этот джакч)

Небольшой приграничный городок Бештоун. Лето, каникулы... Только что закончилась Хонтийская война и теперь беспокойно на пандейский границе. На всякий случай детей из города вывозят подальше — в летний лагерь. Здесь их и застаёт необъяснимая катастрофа — все взрослые либо теряют волю, либо сходят с ума. Детям и подросткам приходится самим бороться за выживание в мире, внезапно ставшем смертельно опасным...

© Успенский М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский

Любовь и свобода

Потому что век наш весь в чёрном...

Гийом Аполлинер

Элу Мичеду, класс 5-й «синий»

«Как я провёл лето», сочинение

Сочинение № 1 из 12

Наш город называется Верхний Бештоун. Бештоун значит «Гнездо Орла» на горском языке, а Верхний – что раньше был ещё и Нижний. Но теперь там ничего нет, даже развалин. Когда-то тут жили горцы. Потом была война с горцами. Это было двести лет назад при Императоре Мисре. С тех пор горцы сюда не приходят, только торговцы от них. Продают железные украшения и ножи, очень красивые. Город стоит на реке Юе. Она очень быстрая и холодная, так что купаться нам не разрешают. Купаться можно на нижних озёрах. Город стоит между гор. На горах всегда лежит снег. Ещё к городу подходят две дороги, простая и железная. Дальше они ведут в Туннель, который проходит через горы в Пандею. Сейчас Туннель закрыт железными воротами. Это чтобы пандейцы не забирались к нам. По горам проходит граница, там есть пограничная застава, на заставе служит мой папа. Он не просто пограничник, а инженер пограничник. Он делает так, чтобы границу совсем нельзя было перейти.

Мама тоже служит на заставе, она переводчик. Если ловят нарушителя горца, то она с ним разговаривает. Она говорит, что горцы совсем дикие и не признают границ. Им просто ничего нельзя объяснить. Раньше всё это называлось Горный Край и было общим, а теперь поделилось. То есть не теперь, а после войны.

Посредине города протекает река Юя. Она быстрая и холодная, потому что течёт с гор. Та часть города, что на правом берегу, называется Военным городком. А та, что на левом – Шахты. Говорят, что раньше это были разные посёлки, и штатским нельзя было проходить в Военный городок без пропуска. Но это было в далёком прошлом.

Наша гимназия носит имя Гуса Счастливого. Это полководец, который победил горцев и спас Пандею от их ношества. Если бы не мы, пандейцев давно бы не было на свете. А теперь они наши враги. Хотя и не воюют с нами. Но всегда радуются, когда у нас что-нибудь плохое.

Наша гимназия стоит на главной улице Военного городка, улице Принца Кирну. Это не потому что мы монархисты, а потому что принц Кирну – герой войны. Ещё есть Вторая городская гимназия, в Шахтах, у них серая форма, а у нас чёрная. Во Второй городской учатся вместе мальчики и девочки. Это

нелепо. Так говорит мама. У нас девочки учатся в отдельном крыле, и их классы называются «белыми». А классы мальчиков – «синими» и «зелёными». Мы носим галстуки такого цвета. Ещё есть разные реальное училище и ремесленное училище, они носят коричневую форму.

Что случилось перед экзаменами. Старшеклассники говорят, что всегда вывешивали список вопросов. А теперь вывесили просто список тем. Как хочешь, так и учи. А что и про что будут спрашивать, не твоё дело. Поэтому мы все пошли на плац и стали моршировать. Мы моршировали четыре часа. Никто нас не заставлял, мы сами. И зря Морк Бадл на себя наговаривает, он вообще потом пришёл.

Поэтому я не считаю написать двенадцать сочинений наказанием. Это будет хорошее упражнение для меня. Я пишу почти бес ошибок, но иногда плохо выражаю свои мысли.

То, что вопросы завтра вывесили, я считаю мудрым распоряжением господина директора.

Планов на лето у меня ещё нет. Если кому-нибудь маме или папе дадут отпуск, мы поедem к бабушке на ферму. Я был там четыре года назад, и мне очень-очень понравилось. Бабушка выращивает лошадей и осликов, а также еду для них – овёс, тыквы, морковь и репу. Репы могут вырасти очень большие, такие, что два человека с трудом поднимают. Я думаю, меня научат ездить на лошади – не в повозке, а как Гус Счастливый, в специальном седле на спине. Мама и папа уже давно не были в отпуске. А пока я хожу на рыбалку на Юю. Уже поймал шесть синеспинок и большого горного угря. Это не правда, они не ядовитые вовсе.

Конец сочинения № 1.

Глава первая

Лимон проснулся от звука шагов на кухне и приглушённых незнакомых голосов. Ему только что снилось, что он, разведчик, подползает к краю крыши, чтобы подсмотреть и подслушать, чем там внизу занимаются шпионы, и вдруг крыша стала скользкой и покатою, – поэтому он какое-то время лежал неподвижно, вцепившись обеими руками в матрац и пытаясь понять, где это он: всё ещё во сне или уже нет? Было душно и сумрачно, как перед грозой, и даже весёлое шум-дерево за окном замерло в полнейшей неподвижности и молчании.

Утро, осторожно подумал Лимон. Совсем раннее утро. Вчера договаривались с Сапогом идти на рыбалку. Да. Поэтому лёг не раздеваясь...

– ...никакой информации, – сказал кто-то чуть громче, чем прежде. – Вообще никакой. Как будто ничего не было...

– А радиоперехват что нам говорит? Вражьи голоса?

– Клевещут, по обыкновению. Якобы вся армия вторжения сдалась на милость победителя...

– Похоже на правду, – медленно произнёс совсем другой голос, густой и тяжёлый. – Во всяком случае, раненых за эти месяцы в системе почти не прибавилось. У меня семьдесят коек пустые стоят – как приказали держать в готовности, так и держу...

– Тише, доктор, детей разбудите...

А вот этот голос Лимон узнал бы из тысячи! Из ста тысяч!

– Папка!

Скатившись с кровати, он вышиб дверь, одним прыжком слетел с лестницы, потом, держась за балясину, стремительно описал полукруг – и влетел на кухню, едва не врезавшись в подпирающего стойку корнета Кишу, старого своего друга (ну, и друга отца, конечно). Сам отец сидел за столом спиной ко входу и только начал оборачиваться на шум...

– Папка! Ты приехал!

Лимон уткнулся лицом в грубую саржу полевого мундира, выцветшего, просоленного, пахнущего потом, табаком и пылью. Не было на свете ничего лучше этого запаха... И тут же отпрянул, вытянулся во фрунт, бросил руку к воображаемому берету:

– Господин майор, рекрут Джедо Шанье к торжественной встрече построен! Больных нет, отставших нет!

– Вольно, – сказал отец. – Разойдись, оправиться.

– Так точно!

– Ну, хватит, хватит. С другими поздоровайся.

– Доброе утро, господа!

– Утро добрым не бывает, – традиционно откликнулся Кишу, остальные заулыбались.

Лимон знал всех собравшихся, просто некоторых немножко больше. Вот док Акратеон, военврач третьего ранга, он как-то раз вправлял Лимону вывихнутую руку и ещё один раз, наверное, привиделся в бреду, когда Лимон валялся в госпитале после наркоза. И ротмистры Тец и Кату, с которыми не раз хожено и езжено в горы на козью охоту. И майор танковых войск Гюд-Фарга, которого маленький Лимон по глупости смертельно обидел, но тот сумел забыть и простить...

– А чего вы так рано? – спросил Лимон.

– Могу задать тот же вопрос, – ухмыльнулся Кишу.

– Ну, мы с Сап... с Мичеду договорились идти на рыбалку, – сказал Лимон. – Поэтому... вот.

– Ну а у нас машина в город рано шла. Кстати, господа офицеры, может, и мы тоже – на рыбалку? Костерок, рошперы... а? Когда ещё такое выдастся?

– Может быть, и никогда, – сказал отец. – Нет, Кишу, времени нет. Сегодня надо всё обсудить и к вечеру подавать рапорт.

– Да что там обсуждать, и так всё ясно, – сказал Кишу и помрачнел.

– Ясно, конечно, но решение собрания должно быть, – сказал Гюд-Фарга. – А чтоб оно состоялось, мы должны его подготовить. Не полагаясь на здравый смысл остальных. Потому что здравый смысл может раз – и забуксовать. Все помнят?

– А что случилось? – спросил Лимон.

– Пока ничего, – сказал отец. – Иди умывайся. Потом поговорим.

Сказано было так, что Лимону ничего не оставалось делать, как тащиться в ванную, долго спускать воду из медного крана, чистить зубы, мыть с мылом лицо и шею, приглаживать непокорные торчащие волосы пластмассовой щёткой... Сначала он хотел обидеться, но потом понял, что тут не до обид и что происходит что-то нехорошее; слишком уж озабочен был отец.

В задумчивости Лимон стал подниматься к себе. И услышал характерный щелчок – маленьким камешком по стеклу. Лимон вбежал в комнату, лег животом на письменный стол, дотянулся до окна, толкнул незапертую створку. Под окном прямо в клумбе стоял Сапог, то есть Элу Мичеду, собственной персоной – в камуфляже и высоких ботинках, но почему-то без рюкзака и удочек.

– Я сейчас, – сказал Лимон.

– Не пойдём, – сказал Сапог и, как будто Лимон мог не услышать его, сделал запрети-
тельный жест: скрестил руки перед лицом. – Отмена. Отбой.

– Почему?

– Говорят, война завтра начнётся.

– Что?

– То самое. Перебежчика задержали. Может, и не завтра, но вот-вот.

– Опа... И что теперь?

– У меня схрон есть. Пересижу, пока пограничники отходят, а потом в тылу врага займусь диверсиями. Хочешь со мной?

– Конечно, хочу! Только у меня Шило на шее, ты же знаешь. И мать... Может, их эвакуируют. Тогда я – сразу. Ага?

– Как скажешь. Просто меня потом можешь и не найти.

– Схему оставь.

– Ну да. Чтобы тебя пандейцы захватили...

– Я её сожгу. Или съем.

– Я подумаю.

– А чем ты собираешься их взрывать?

– Бензиновыми бомбами. Помнишь кино «Истребители танков»?

– Помню. Хорошее кино.

– Ну ладно, я побежал. Надо ещё в схрон жратвы притащить. Вечером увидимся, я тебе на карте покажу, ты запомнишь.

– Подожди, – сказал Лимон. – У меня взрывпакеты есть. Если их гвоздями обвязать, классные гранаты получатся, не хуже настоящих.

– А много?

– Четыре штуки. Два мне, два тебе. Идёт?

– Давай!

– Вечером. Они у меня тоже припрятаны. Сейчас не достать – там отец и ещё другие.

– Понял. Ладно, тогда вечером всё и обсудим. Может, ещё добудешь?

– Не знаю, попробую.

– Ну, я побежал...

Лимон слез со стола. И понял, что в комнате не один.

Шило, в одних обвисших синих трусах, стоял в дверях, протирая глаза костяшками пальцев.

– Ты чего? – спросил Лимон.

– Я тоже с вами, – сказал Шило.

– Куда ещё?

– В диверсанты.

– Так, начинается. Тебе сколько лет?

– Ну, одиннадцать.

– А в диверсанты берут с тринадцати. Так что придётся тебе, братец мой, подрасти.

– Да? По-моему, ты врёшь. Пойду у отца спрошу.

– Что спросишь?

– Почему тебе в диверсанты можно, а мне нельзя.

– Не вздумай.

– Я же говорю, ты врёшь.

– Ну, вру. Даже не вру, а так. Всё равно тебе о матери надо будет заботиться. Ты же знаешь, кто-то должен.

– Тогда ты заботься, а я пойду в диверсанты.

– Нет уж, я первый сказал.

– А прав тот, кто сказал последний. В общем, тебе решать – или я с вами, или ты с матерью. А не решишь – спросим у отца. Как он скажет, так и будет. Правильно же?

– Ты маленький ушлёпок, – медленно сказал Лимон, понимая, что ничего сделать нельзя. – Ладно, пойдёшь с нами. Но смотри. Ты знаешь, что диверсанты делают со своими, если те не подчиняются приказу?

– Чьему?

– Командира группы.

– А кто у нас командир?

– Тебе это пока рано знать. Вот соберёмся все – тогда...

– А что диверсанты делают со своими?

Лимон молча провёл пальцем по горлу.

– И ты меня?... – Шило повторил жест.

– Если командир прикажет – да.

– А если он мне прикажет?

– Тогда сам и будешь управляться. Дадут тебе пистолет с одним патроном...

– А у вас есть пистолеты?

– Есть, – соврал Лимон. И тут же отметил для себя: об этом надо подумать.

Война! Завтра! От этих слов по спине поползли восхитительные мурашки. Ну, проклятые пандейцы, только суньтесь!..

Он быстро перебрал в уме ближайших друзей. У Пороха была охотничья трёхзарядка, у Костыля – учебная мелкашка; а Маркиз как-то говорил, что знает в Шахтах слесаря, который делает маленькие пистолеты, похожие на зажигалки, и продаёт их не слишком дорого или даже меняет на всякую домашнюю технику. И это надо успеть прокачать за сегодняшний день...

– Ну что, рекрут, уже составил план мобилизации?

Лимон вздрогнул и обернулся: в дверях стоял отец.

– Никак нет!

– Ладно, сын, давай по-простому. Сам был такой, всё понимаю. Теперь слушай и мотай на ус. Есть подозрение, что пандейцы захотят в ближайшее время пощупать нас за мягкое. Возможно, на этом участке границы.

– Завтра? – спросил Лимон и почему-то сглотнул.

– Нет, не завтра – это уж точно. Но через декаду-другую – не исключено. Идёт по ту сторону подозрительная возня... А может, ничего и не будет, просто они там у себя решили отметить юбилей битвы при Канцтрёме и ритуально популять в Мировой Свет. Но мы тут посоветовались и на всякий случай решили отправить всех допризывников в Старую Крепость...

– Что?!!

– На все вакации.

– Папка, но как же...

– Конечно, понадобится решение объединённого офицерского собрания, но я думаю, нас поддержат. Почти не сомневаюсь.

– А если я не захочу?

– Это не обсуждается.

– Почему?

– Во-первых, потому что это приказ. Во-вторых, туда же отправляется мать, будет работать в столовой. Так что тебе здесь одному...

– Но вот Костыль... Кай Килиах, ты его знаешь... он же подолгу живёт один, и ничего!

– Да я не сомневаюсь, что ты проживёшь один. Но смотри: я – один из инициаторов создания этого обязательного летнего лагеря, и мой же сын в него не едет. Как я буду выглядеть?

На это Лимон ничего разумного возразить не мог.

– И когда отправляться? – мрачно спросил Лимон.

– Дня через два-три, раньше подготовиться не успеем. Подумай, что с собой взять...

– Купи мне мелкашку, – сказал Лимон.

– Там же будет тир, – сказал отец.

– Тир – это одно...

Отец некоторое время молчал.

– Хорошо. Попробуем сегодня что-нибудь придумать. Но... ты понимаешь.

– Не маленький.

– А бунтовал кто?

– Там всё сложно было. Не для себя ведь – для всех.

– Для некоторых.

– Ну, это ты мне потом рассказал. А тогда я думал, что для всех.

– Да, всякое случается. Я постарше тебя был, курсант уже, а в такую же почти историю влип. Потом долго надо мной висело, что вот сейчас раз – и из пограничного училища в общеармейское... Удержался как-то. Впредь будем умнее, так ведь? И ладно, с мелкими вопросами покончено. Теперь давай о главном...

И тут Лимон испугался. Отец с матерью уже давно ссорились, едва успев увидеться...

– Нет, не то, что ты подумал. Тут пока всё остаётся, как было. Слушай. Пандейцы сейчас разведывательную активность развили – не помню такого. Два десятка шаров в день – это только которые мы замечаем...

К шарам, конечно, давно привыкли. Медленно-медленно ползёт по небу едва заметная точка. Ветер почти всегда постоянный, и ползёт она по известному маршруту – из седловины Семи дев, потом над Дикими озёрами, над старым заброшенным санаторием «Горное озеро», потом вместе с потоками воздуха чуть снижается, проходит когда рядом, а когда и над самым шахтёрским городком, – и устремляется юг, к Солёным болотам, и дальше, дальше – вдоль старой разбитой бетонки, ведущей – со многими, конечно, поворотами и всякими промежуточными городками – прямо к столице нашей Родины... Лимон как-то подсчитал, что если сесть на велосипед и ехать по восемь часов в день, то путь займёт сорок два дня из пятидесяти, положенных на вакации. Увы: во-первых, не было велосипеда; а во-вторых, на месте некото-

рых городков торчали вполне себе ещё радиоактивные развалины, и преодолевать эти зоны разрешалось только в закрытых спецфургонах...

Впрочем, так далеко шары вряд ли залетали. Обычно ещё когда шар только подлетал к городку, доносился тихий стрекот пулемётной очереди, и на месте точки появлялась более светлая чёрточка, несущаяся к земле. Потом, если повезёт, можно было найти смятую от удара и всю спёкшуюся внутри коробку размером со школьный ранец; поговаривали, что удавалось находить и целые, но Лимон в это не верил, уж слишком простой и безотказный был механизм самоуничтожения: стеклянная ампула с белым фосфором и термитная шашечка... А если каким-то чудом шар миновал пулемётные посты, вступала в дело ракетная установка, что охраняла станцию. Ракеты были картонные и наводились по радио вручную, но срабатывали безотказно. Ф-ш-шшш! – белый извивающийся след, потом магниевая вспышка и сноп ярчайших искр, а через несколько секунд резкий удар, как кувалдой в дно пустой бочки...

Но случалось это когда раз в декаду, когда раз в несколько дней...

– Два десятка? – переспросил Лимон. – А почему не стреляют?

– Возможно, что и больше. А не стреляют потому, что в основном они летят западнее нас, над Нижним...

– Пап, а там-то что высматривать?

– Разные есть предположения. Ну, во-первых, нет ли военной активности с нашей стороны, не подтягиваем ли мы технику. Нет, не подтягиваем. Да по нашей хилой однопутке много ли подтянешь? И подумалось мне, что таким нехитрым способом пандейцы усиленно принялись считать трафик соли. Зачем? Элементарно: во-первых, перед войной всегда запасаются солью – и армия, и население, – поэтому потребность в соли увеличивается, а значит, увеличивается и добыча. Во-вторых, собирая данные по добыче соли и анализируя их, можно узнать численность населения страны. Ну и так далее. В общем, добывается стратегическая информация огромной ценности. И вот тут есть одна маленькая тонкость... – отец замолчал и внимательно посмотрел на Лимона. – То, что я дальше скажу – исключительно между нами.

– Так точно, – сказал Лимон.

– Так вот: одной авиаразведкой здесь не обойтись. Потому что, допустим, мы хотим задурить противнику голову и начинаем гонять порожняк, или же наоборот – используем более грузоподъемные вагоны, хотя полотно их может и не выдержать, ну а вдруг? В общем, способы дезинформации есть. И пандейцы понимают, что в случае чего мы именно к дезинформации и прибегнем. Верно?

– Нет возражений, – сказал Лимон короную фразу ротмистра Кату голосом ротмистра Кату.

– Значит, авиаразведку следует подкрепить чем?

– Наземной, а ещё лучше агентурной, господин майор!

– Верно. Где лучше всего иметь агента?

– На товарном дворе?

– Может быть. А ещё где?

– В бухгалтерии шахт. В тарном цехе. Э-э... На складе мешковины?

– Тоже неплохо. Но и этим мы можем поманипулировать: шить мешки в запас или отправлять соль не в мешках, а навалом. Про бухгалтерию вообще молчу, они и в мирное-то время... Нет, попробуй самое узкое место найти, где и шпион информацию нужную получит, и нам трудно будет незаметно подкрутить показатели?

Лимон задумался. Он задумался так, что левая рука невольно подползла к лицу, и ноготь большого пальца сам собой забрался между зубами. Отец молчал.

– Мост, – сказал Лимон. – Который около станции. Вернее, весы. Или как она там – весовая платформа?

Весовая платформа была поставлена в незапамятные времена – тогда же, когда и мост, – чтобы не выпускать со станции на мост и на дальнейший очень сложный отрезок пути перегруженные поезда. Солекопы и коммерсанты много раз пытались каким угодно способом от неё избавиться, но путевики стояли насмерть.

– Так, – сказал отец. – Самое узкое место нащупано. Но все трое контролёров многократно проверены и подозрений не вызывают. Пожилые семейные люди. У всех дети...

– Пап!

– Ты уже должен был сообразить. Подсаживается, допустим, в пивной к контролёру какой-нибудь скромный полузнакомый работяга – и вдруг тихо так говорит: мы, мол, знаем, как твоих ребятишек зовут, где они учатся и какой дорогой домой ходят. И чтобы ничего не случилось с ними, ты нам с каждого дежурства приносишь листочек: с правого берега на левый такой-то груз переброшен, а с левого на правый – такой-то. И все будут живы-здоровы... Логично?

– Логично.

– У одного из контролёров дочка уже несколько дней не ходит в школу, будто бы болеет...

– Так ведь уже вакации.

– Она в коммерческом, им ещё декаду учиться.

– Понял, пап. Проверить, да?

– Да. И не только её. Всех. Познакомиться – и внимательно смотреть, не крутится ли поблизости какой-нибудь подозрительный взрослый. Или не подозрительный.

– А сколько... э-э... объектов наблюдения?

– Три семьи. Два человека, четыре человека, и пять или шесть человек – там бабушка то приезжает, то уезжает.

– Тогда мне нужно кого-то подключить.

– Конечно. И сделать это нужно всё буквально сегодня. Информацию я тебе дам всю, какая есть. И напоследок просто-таки алмазное требование: следить, присутствовать, всё замечать, но ни во что не вмешиваться. Ни во что. Ни при каких обстоятельствах. Объяснять, почему так – не требуется?

– Нет, всё понятно. Но тогда...

– Ты сейчас быстро собираешь группу, а часа через два вы получаете от меня подробный инструктаж. Ясно?

– Так точно, господин майор! Разрешите идти?

– Сначала завтрак. И быстро, а то уже скоро подъём флага...

Глава вторая

– Штрафники, говорите? – переспросил господин Хаби, Гил Хаби, тот самый контролёр, у которого дочка без объяснения причин не ходила в школу. – Слышал, слышал о вашем геройском поступке, да. Помню, мы в старших классах и не так куражились...

– Ничего плохого мы не сделали, – сказал Лимон.

– А я и не говорю, что плохое, – усмехнулся господин Хаби. – Окна-то целы остались?

– Все до единого.

– Ну, вот. А мы бунтовали – так наоборот, ни единого стекла не осталось. Это, правда, давненько было... Так что вы конкретно хотите от нас?

– Мы должны навестить больную, – сказал Лимон.

– Больную... Больная никого не желает видеть, о чём и мне сообщила громогласно – не далее как час назад. Думаете, вы будете успешнее?

– Не знаю, – Лимон сделал вид, что растерялся. – А что с ней?

Господин Хаби поднял голову и задумчиво посмотрел на открытое окно второго этажа.

– Илли, детка, – сказал он. – Ты ведь всё слышишь?

– Я не детка, – грустным голосом отозвалось окно.

– Не детка, – согласился господин Хаби. – Бледная отважная девица, летящая в ночи... как там дальше?

– Я всё равно не выйду.

– Пожалуйста, – сказал Лимон. – Иначе нам штраф не погасят.

– Ну и пусть, мне-то что?

Господин Хаби развёл руками.

– Женщины, – сказал он. – И жить не дают, и убить нельзя. Держитесь от них подальше, пока есть возможность.

Вообще-то, наверное, можно было с чистой совестью поворачиваться и уходить, потому что ну никак этот человек не походил на несчастного отца, которого вынуждают изменять Родине, приставив нож к горлу любимой и единственной дочери. Видно было, что ситуация его искренне забавляет, и вообще держался он весело и раскованно – притом, что на первый взгляд показался мрачным угрюмцем: невысокий, широкий в плечах и поясе, с коротко стриженной круглой головой почти без шеи и с маленькими бесцветными глазками, и не сразу можно было рассмотреть множество морщинок у уголков глаз и уголков рта, какие появляются у людей, часто и охотно смеющихся, но ещё чаще вынужденных сдерживать смех; последняя книжка, которую Лимон прочитал, была «Физиогномика преступления» доктора криминалистики Б. Фарха, и теперь в форме голов и лиц, в рисунке подбородков, губ и бровей Лимон разбирался как никто до него. Да, можно было уходить, но тут из-за спины высунулся Шило и сказал:

– А давайте мы споём!

– Это ещё зачем? – спросили из окна.

– Ну мы должны хоть что-то сделать, – сказал Лимон. – Мы же не можем сказать, что навестили больную, если не навестили. И не можем не навестить, потому что нам поручили навестить.

– Коллизия, – сказал господин Хаби.

– Ладно, – сказал грустный голос из окна. – Одну песню, и всё. Только... Пап, ты им скажи, чтобы не пялились!

– Вот! – строго поднял указательный палец господин Хаби. – Пялиться не будете?

– Ни за что, – твёрдо сказал Лимон.

– А на что? – одновременно спросил Шило.

– Ни на что, – сказал господин Хаби. – Глаза в землю.

– Так точно, – ответил Лимон. Шило промолчал.

– Ну, заходите, – сказал господин Хаби и сделал приглашающий жест в сторону двери.

Дома здесь, в станционной слободке, сильно отличались от привычных городских. Во-первых, построены они были не из камня или кирпича, а из деревянных брусьев; во-вторых, не выходили фасадами на улицу, а стояли в глубине более или менее обширных дворов и двориков, где кто-то разбивал огороды, кто-то держал кур и коз – а здесь вот росли несколько плодовых деревьев и колючие кусты «змеиной ягоды». Дом окружала открытая веранда под выцветшим полотняным тентом. Слева от дома и в глубине стоял сарайчик с решетчатой дверью, за которой, ворча, ходила большая рыжая собака.

Шило быстро обогнал Лимона и шагнул в дом первым.

– Ух ты! – сказал он.

Лимон вошёл следом. В просторной прихожей – а может, гостиной, а может, столовой – было полутемно; сильно пахло печеньем. Посередине комнаты стояла будто бы светящаяся изнутри скульптура: вскинувшая руки женщина в лёгком плаще. Фигура была невелика, меньше живого человека, но почему-то казалось, что ты смотришь на неё снизу вверх.

– Кто это? – спросил Лимон.

– Семейная реликвия, – ответил господин Хаби. – Всё, что осталось.

Наверху раздалась неровные шаги. Лимон посмотрел на лестницу: появились босые ноги, немного неуверенно нащупывающие ступеньки. От лодыжек и выше колыхались полы тяжёлого и явно слишком большого махрового халата. Ноги прошли примерно пол-лестницы и задумчиво остановились, но потом что-то решили про себя и уже легко и быстро сбежали вниз.

– Кхгм! – в наступившей тишине сказал господин Хаби.

Вид спустившегося сверху существа вызывал изумление: огромный халат – это ещё ладно; но вместо головы торчал серый бумажный пакет из-под хлеба, в котором были прорезаны две косые щели для глаз и одна, ещё более косая – для рта. Левая половина пакета была наспех вымазана чем-то красным.

– Илли, детка...

– Молчи, отец! – сказала существо, скрещивая руки на груди. – Ты мне не указатель! Ты дом не смог защитить от чужаков! Они пришли, чтоб петь – так пусть поют. Иначе – горе!

И правой рукой с хищно изогнутыми пальцами существо описало в воздухе медленную дугу.

– Пойте, – сказал господин Хаби. – А то мы точно таких бед огребём...

Лимон понял, что сначала надо закрыть рот.

– На рассвете туман, туман, на рассвете шаги, шаги... – затянул было Шило, но настолько не попал в мотив, что заметил это и сам.

– О, – воскликнул господин Хаби. – Что вы, оказывается, знаете!

– Наш отец собирает старые песни, – сказал Лимон. – У него целый ящик этих... – он показал руками. – Которые вставляют...

– Одних Имперских маршей – шесть штук! – гордо добавил Шило.

– А вы, получается, братья? – догадался господин Хаби. – А почему-то совсем не похожи.

– Сводные, – сказал Лимон.

– Так вы будете петь, или я уйду и начинаю творить несчастья? – капризно спросило существо.

– Сейчас... – Лимон откашлялся и, пощёлкивая для ритма пальцами, начал: – На рассвете туман, туман, на рассвете шаги, шаги, будет нами экзамен сдан, захлебнутся кровью враги...

– ...Этот тусклый и серый свет, этот горестный мокрый лес... – подхватил господин Хаби; Лимон удивлённо на него покосился.

– ...где застряла в дубах картечь... – вплёлся, наконец, Шило, – где нам выпало лечь...

Господин Хаби обхватил одной рукой за плечо Лимона, другой – Шило, и втроём они допели до конца старинную песню о курсантах-пограничниках, которых забыли на рубеже. Когда они заканчивали, Лимон увидел, что у господина Хаби в глазах навернулись слёзы.

– Молодцы, – сухо сказала существо. – Теперь мне можно вернуться к моим печалям?

– Иди уж, – вздохнул господин Хаби. – Никакого в них понимания и никакого сочувствия... Эту песню ещё мой дед пел – и это как раз про их выпуск было.

– Он был пограничник?

– Да, в самом начале... когда ещё были границы. А потом он был чистильщиком. Это императорская контрразведка так называлась. А потом его оттуда прямым ходом – в штрафники... прямо вот как вас. Ладно, братцы, я с ночи, поспать надо. Давайте ваш бегунок, я подпишу.

Лимон достал из портфеля тоненькую папку с поддельным обходным листом (труднее всего далась подпись директора) и ручку.

– Вот здесь, – показал он.

– Вижу, вижу... – господин Хаби близоруко прищурился. – А что, у Брешке тоже кто-то болеет?

Лимона пробило холодным потом. Ах, как мы лопухнулись, подумал он. Но сказал совершенно спокойно:

– Нет, больных больше нет, там кто-то отстаёт по предметам, у кого-то книги в библиотеку не сданы...

– Ну, понятно... – господин Хаби длинно и вычурно расписался, отдал папку Лимону. – Может, будет время – ещё зайдёте? Споём...

– С удовольствием, – сказал Лимон.

– Только, наверное, это уже осенью будет, – добавил Шило.

Они вышли из дома, прошли под деревьями, миновали калитку и оказались на улице – почти в другом мире.

– Фффф... – Лимон оглянулся – господина Хаби видно не было. – Я думал, что напущу в штаны.

– С чего это? – не понял Шило.

– Не знаю. Мне вдруг показалось...

– Что?

– Что он... они, вернее... настоящие шпионы.

– Брось.

– Ну, сам подумай: мы узнали то, за чем приходили?

– Ну да!

– А что, если эта, с пакетом на башке – вовсе не его дочка?

– А кто?

– Шпионка. И он всё время под её надзором. Или его вообще загипнотизировали. Представляешь...

– Если загипнотизировали, то мы с тобой тут ничего не сможем. Это надо просто отцу сказать...

– Да, наверное... Слушай, надо вернуться, только не отсюда, а обойти дом... Я вроде бы понял, где её комната – вдруг удастся заглянуть?

Заглянуть не удалось. Задней стеной все дома этой части улицы выходили на обрывистый берег Юи, были неотличимы друг от друга – а главное, совершенно неприступны. Лимон покусал кулак, но ничего не придумал – а время уже поджимало. Пришлось отправиться на место встречи, так и не добившись никаких результатов.

Разведчики собрались под Каменным мостом всемером – то есть те, до кого Лимон успел утром дотянуться: Порох, Хвост, Сапог, Костыль, Маркиз – ну, и братьев Шанье двое. Костыль притащил пакет сушёных груш и пустил его по кругу. Время было сильно после обеда.

Обсудили, кто что добыл. Побывавшие в доме другого контролёра, Ингми Шанку, Порох и Хвост ничего опасного не увидели: двое ребяташек, оба ещё дошкольники, мирно играли во дворе, и за домом наверняка никто не следил. Костыль же, Маркиз и Сапог вообще провели с тремя сёстрами Клеп, дочерьми последнего из подозреваемых, пару приятных часов на Пандейском рынке, где давно уже не торгуют, а только развлекаются, – и тоже ничего подозрительного не засекли. Потом обсудили рассказанное Лимоном и пришли к выводу, что да, дело остаётся неясным, и стоит продолжать наблюдение – только как это сделать, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания?

Бинокль не годился: дом с улицы прикрывали деревья, с боков – соседние дома, сзади стена была глухая, без окон: наверное, чтобы не мешали спать звуки реки. Забраться ночью во двор и прицепить куда-нибудь шпионскую камеру было нереально, поскольку рыжую собаку наверняка именно на ночь выпускали побегать. Делать подкоп со стороны обрыва? – долго; а шар с камерой пустить? – во-первых, нет шара, во-вторых...

Дом, вроде бы такой простой на первый взгляд, оказывался всё более и более подозрительным.

– Так, – сказал рассудительный Порох. – Допустим, ни в дом, ни во двор мы не проникнем. Значит, нужно что? Правильно, установить постоянное наружное наблюдение: кто приходит, кто уходит...

– Я знаю, откуда дом будет хорошо видно, – сказал вдруг всё это время сосредоточенно молчавший Шило. – С фермы Стального моста. С самого верха.

– С ума сошёл? – поинтересовался Порох. – Там охрана. Кто нас туда пустит?

Лимон сосредоточился и попытался вспомнить, виден ли был мост из двора? Да, виден. Самый верх фермы – как раз над коньком соседней крыши...

– Какая там охрана, – махнул рукой Шило. – Бабушка Дацу с вязальной спицей. Я лазил, знаю.

– Когда ты лазил? – не поверил Лимон.

– Месяц назад.

– Зачем?

– Змея снимал.

На весенних ветрах в городе всегда проходили бои воздушных змеев, и да, Шило прилол с них чьего-то очень красивого и почти целого змея, изображавшего собой довоенный бомбовоз. Змей сейчас висел под потолком его комнаты.

– Не мост! – сказал Лимон. – Рискованно и всё-таки далековато. Змей с камерой!

– Точно, – сказал Порох. – Нечего сидеть, пошли делать, вечером испытаем.

– У кого будем делать? – деловито спросил Маркиз.

Все переглянулись.

– Может, Шилов использует? – предложил Порох.

– Нет, – сказал Лимон. – Слишком заметный, яркий, да и чинить его надо. Простенький: ромб или коробку, и прозрачный.

– Тогда ко мне, – сказал Костыль. – Не ромб и не коробку, а я знаю что. И у меня всё есть. И они побежали к Костылю.

Элу Мичеду, класс 5-й «синий»

«Как я провёл лето» сочинение

Сочинение № 2 из 12

Вчера всё начиналось очень интересно. С самого раннего утра, ещё было темно совсем. Я проснулся, потому что к дому подъехала грузовая машина. Мотор работал очень громко, у нас такой двор, что из него всегда всё сильно слышно. Я проснулся. Это приехали родители. Они не знали, что я проснулся, и поэтому разговаривали не шопотом, а нормально. Так я узнал, что на заставу пришёл пандейский перебежчик, и что завтра начнётся война. Я вылез через окно и побежал предупредить моего друга. С которым мы собирались на рыбалку. Я предупредил и пошел обратно готовиться к войне. Чтобы воевать, нужны запасы, а у меня было мало запасов. А потом прибежал этот мой друг и сказал, что в городе пандейские шпионы и мы должны их выследить. И мы пошли следить. Мы следили весь день и выследили, но не живьем, а дом, где они прятались. И тогда мы пошли делать воздушный змей, чтобы через шпионскую телекамеру с него наблюдать за шпионами сверху. Змей мы сделали быстро, потому что для него было много заготовок, и если бы клей сохнул быстрее, то ещё быстрее бы сделали. Змей был совсем прозрачный, а так бы он походил на большую птицу. Чтобы клеить прозрачную плёнку, нужен специальный клей, а он медленно сохнет. Или утюгом. В общем, мы закончили делать змея вечером, когда ветер совсем стих. И пришлось испытания отложить до утра. Утром снова был хороший ветер, но наши пришли не все, а только мой друг со своим братом и тот парень, у которого мы делали змея. Мы отнесли змея с камерой на берег Юи и стали запускать. А это тот берег, где находится железнодорожная станция и товарный двор. Там большой забор. Мы запустили змея и стали смотреть, что показывает камера, но тут пришел сторож и начал нас прогонять. А мы сказали, что имеем право, потому что мы по эту сторону забора, где земля всякая. А он сказал, что приведет собаку. И тогда тот парень, у которого мы делали змея, и говорит: приводите, если не жалко. И достаёт рогатку – настоящую, для охоты на птиц. И пули к ней. Сторож ещё построжился, но ушел и больше нам не досождал.

Со змеем мы это здорово придумали, только всё одно зря, потому что ничего подозрительного не увидели, а потом батарейка камеры закончилась, и пришлось всё сматывать и уходить. А по дороге мы встретили отца моего друга с товарищами, и он спрашивает: что вы делаете? Мы ему рассказали, он подумал и говорит: пока достаточно, вы молодцы, но больше не надо, не спугните их. Потому что враг хитёр и коварен. И вообще послезавтра все с самого утра начинают уезжать в лагерь Старая Крепость на всё лето, а мы поедем первыми, чтобы ставить палатки и вообще готовить всё. То есть завтра. Поэтому все по домам и собираем вещи, а за домом этим теперь настоящие контрразведчики будут подглядывать.

И мы пошли по домам, потому что надо вдумчиво собраться.
Конец сочинения № 2.

Глава третья

Выехали затемно, в открытом военном грузовике с высокими бортами, и уже к середине пути Лимон замёрз и начал ёрзать. Более хитрый Шило сразу натянул на себя прихваченное из дому одеяло, закутался в него и теперь крепко спал, не просыпаясь даже на ухабах. Лимон попытался отвоевать для себя хотя бы уголок тёплой мягкой ткани, но получил сонный, а потому несдерживаемый отпор – и отступился, зная по опыту, что спящего Шило победить невозможно. Он становится хуже дикой кошки.

Тогда Лимон начал, как это описывалось в «Спутнике разведчика», согреваться мелкими движениями. Но сидящая рядом костлявая тётка в скользком пластмассовом плаще недовольно проворчала: «Чего ты трясешься?» – «Не трясусь», – сказал Лимон и согреваться перестал. Холод тут же полез под рёбра. Надо было что-то делать. Он встал и, протискиваясь между тюками, сваленными посередине кузова, и чужими коленками, стал пробираться вперёд, к кабине. Встал, прижался животом и грудью к высокому борту. Теперь ветер охлаждал лицо и глаза, зато тело быстро отогрелось. Поверх кабины виден был кусок дороги, выхваченный фарами, и смутный силуэт далёкого главного хребта Зартак уже проявлялся на фоне разгорающегося Мирового Света. Желтоватая ломаная линия, отделяющая горы от неба, была видимой и чёткой, а это значило, что ближайшие дни будут сухими, тёплыми и ветренными...

Потом тряхнуло, грузовик снизил скорость – и, задрвав капот, с воем полез куда-то вверх. Он лез и лез, скрежеща старыми шестерёнками, всё громче воя мотором, и Лимон испугался, что вот сейчас что-нибудь оборвётся в железном нутре, и машина покатится назад, набирая скорость... но тут крутой подъём кончился, и машина с облегчением понеслась, трясясь и подпрыгивая, по нормальной дороге – нормальной, если не считать того, что справа была отвесная стена, а слева светящиеся столбики обозначали, надо полагать, обрыв. Потом свет фар упёрся в крутой склон, сплошь заросший колючими кустами, машина круто развернулась – и снова полезла вверх, вверх, вверх, цепляясь колёсами за малейшие неровности. И уже тогда, когда казалось: ну, всё, – снова началась ровная дорога, и на этот раз тянулась долго, хоть и виляла туда-сюда. Стало уже почти светло, когда машина, пыхнув тормозами, остановилась – кажется, просто в чистом поле. Фары продолжали светить, и только теперь Лимон понял, что вокруг сгустился туман, прохладный, не так чтобы совсем густой, но шагов за тридцать всё расплывается – вон ещё одна машина стоит, а дальше ещё, но её можно только угадать по оставшимся гореть габаритным огням.

А потом как-то сразу сделалось очень слышно: как пощёлкивает, остывая, мотор, как где-то течёт вода, как несколько человек ходят, невнятно переговариваются и что-то роняют на землю. Звуки странным образом искажались, то есть были громкие, но не совсем понятные, и было много таких, которые вообще ничем не могли быть вызваны... Лимон стряхнул оцепенение. С лязгом откинулся задний борт, пассажиры стали по очереди спрыгивать вниз, их там ловили. Шило встrepенулcя, сел прямо.

– Что, уже? – удивился он.

– Уже, – сказал Лимон, накинул на плечи рюкзак и чёрный жёсткий футляр с новенькой мелкашкой – и, легко перекатившись через боковой борт, повис на руках, поймал ногами тугое колесо, а потом уже с колеса спрыгнул на землю.

Прибывших было человек сорок пять – пятнадцать взрослых и три десятка школьников. Из Первой гимназии Лимон насчитал двенадцать человек, ещё троих знакомых – из Второй; судя поговору, все остальные были шахтинские и учились хорошо если в коммерческом.

Впрочем, пока обходилось без стычек.

Сделать за день требовалось немало: поставить палатки, по две уборные на каждые десять палаток, умывальники и душевые, кухню и столовую. Всё остальное можно было отложить. Начальник лагеря, не знакомый Лимону отставной инженер-бригадир, распорядился: сегодня ставим две «линейки», то есть двадцать палаток, на десять человек каждая, завтра – ещё сорок; пусть лучше останутся свободные места, чем мест не хватит. Собственно жилых «линеек» должно было быть шесть, располагались они подковой, в центре образовывалась приличных размеров площадка для игр, с открытой стороны подкову замыкали навесы с обеденными столами и кухня. Всё из расчёта на шестьсот человек, распорядился бригадир, хотя кто-то ему возражал: мол, в городе и четырёхсот школьников-дошкольников не наберётся, вот списочный состав... «Считайте с матерями», – сказал бригадир и стал отдавать другие распоряжения: здесь будет дизель-генератор для холодильника, здесь – сам холодильник...

К обеду Лимон сбил руки до кровавых мозолей, окапывая палатки ровиками. Шило, увидев такое, присвистнул и, когда все уже усаживались за длинный стол, только что сколоченный из пахучих досок, поволок брата в белую палатку со знаком красной чаши. Там Лимону намазали ладони чем-то ядовито-оранжевым, прокололи те мозоли, которые ещё не лопнули сами, перевязали ладони клейким бинтом – и велели больше к лопате не приближаться. На этот счёт Лимон имел свои соображения, однако оставил их пока что при себе.

Накормили плотно: жгучим красным крупяным супом с рыбой и лесными грибами, и лапшой с мясной подливкой. Лимон допивал компот, когда сзади подошёл Руф Силп, гимназический учитель физкультуры и тренер девчачьей команды по мячу.

– Джедо, мне сказали, что тебя отстраняют от работ. А мне нужно человек пять – проехаться по ближайшим фермам...

– Почему отстраняют? – не понял Лимон.

Тренер показал ему раскрытые ладони. Лимон посмотрел на свои повязки так, как будто впервые их увидел.

– Из-за *этого*? – с величайшим изумлением спросил он.

– Что поделаешь, доктор распорядился, – сказал тренер. – Жду тебя около во-он той машины... – он показал на лёгкий грузовичок с открытым кузовом и кабиной с брезентовым верхом. – Через полчаса ровно.

Тренер сам сидел за рулём, высунув локоть в окно. Рядом с ним ехала незнакомая девчонка в очках, замотанная в рыжий платок; Лимон и ещё двое парней расположились на заднем сиденье. Парней звали Лахар и Тимбл, почти как мифологических героев-близнецов, спасших Мировой Свет от Мировой Тьмы. Они и сами были как близнецы, только одеты по-разному. Лимон, зажав между колен, небрежно держал футляр с мелкашкой. На него косились, тщательно скрывая зависть.

Лимон думал, что они поедут той же дорогой, что ехали сюда, но нет – тренер вёл машину по еле заметной колее, промятой в жёсткой и почти чёрной траве-колючке; Лимон в «Спутнике разведчика» читал, что бледные корешки этой травы съедобны весной и большую часть лета, а потом вдруг буквально в одну ночь делаются ядовитыми – когда микроскопические чёрные цветочки отцветают и становятся такими же микроскопическими чёрными ягодками. Одним только козам этот яд не страшен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.